

В конце концов, Гарри понял, что Розенкол вовсе не такой странный эльф, как думал. Он любил своего хозяина и был готов на все ради него. Если бы Петри подарил ему одежду, эльф был бы опустошён. Розенкол был чувствителен к доброте и жестокости людей. Все то время, что Гарри недолюбливал его, он не видел в эльфе человека, его раздражала его странная внешность и колючие манеры. Но кто бы стал возражать, если бы бездарный новичок завладел всем вниманием любимого человека? Розенкол ревновал Гарри. Гарри же думал, что Розенкол может получать столько внимания от Петри, сколько ему угодно; с его точки зрения, это было не так уж хорошо. Но, похоже, Петри был с этим не согласен, потому что теперь он действительно учил Гарри с необычной настойчивостью, погружая его в бессмысленные, казалось бы, тонкости магической теории каждую минуту. Гарри понимал, к чему ведет Розенкол. Эльф оказался на уровне неохотного помощника преподавателя. Каким-то образом они сблизились из-за общего несчастья. Жизнь в палатке не улучшила характера Петри, а, скорее, ухудшила. Паранойя, просто невероятная, стала нормой. Они шесть раз переносили палатку без объяснений. Петри был уверен, что в любой момент Мракоборцы прорвутся сквозь лес и разорвут их защиту, устроив им Поцелуй Дементора. Гарри верил в это около недели, сидя в палатке и боясь высунуть голову. Но вскоре стало ясно, что, по его мнению, за ними никто не охотится. Зачем им это нужно? Петри занимался незаконной тёмной магией, но теперь, когда он исчез, преследовать его не имело смысла. Он продолжал настаивать, что Люциус Малфой будет искать Гарри, но у Гарри не было причин в это верить. Возможно, Малфой интересовался им тогда, но чтобы настолько заботиться о нём и отслеживать сейчас? Он не понимал, в чем может быть польза от Малфоя. Не прошло и двух недель с тех пор, как Петри пришел в ярость и потребовал срочно разобраться с личностью Гарри. Теперь Гарри, Розенкол и Петри стояли в интимном треугольнике в палатке. Они отрепетировали все заранее, чтобы избежать ошибок, но на деле всё казалось простым. Петри взял на себя основную часть работы. Его палочка взвилась в воздух чуть выше головы Гарри. Он выглядел очень серьезно, как дирижёр, которого Гарри однажды видел по телевизору: палочка держалась так уверенно, будто он мог уронить музыку, если хоть немного сдвинется. Петри сделал резкий жест, едва не задел лоб Розенкола, и Гарри воспринял это как сигнал к началу. — Розенкол, — сказал он, сдерживая желание прочистить горло. — Могу ли я тебе доверять? — Можешь, — ответил эльф, его черные глаза смотрели прямо в глаза Гарри. Зрительный контакт был важен. — Ты сохранишь мое доверие? — спросил Гарри. Рука Петри оставалась неподвижной. — Я буду, — сказал Розенкол. Палочка снова пришла в движение. Гарри сглотнул, его голова шлёпала от тяжести каждого взмаха волшебной палочки Петри, каждое движение было подобно дрожащему, тяжёлому удару. — Я — Гарри Поттер, — произнёс он, ощущая, как давление нарастает. Мгновенно напряжение исчезло, и Гарри, вдруг почувствовав, что глаза стали слишком большими для его головы, схватился за лоб. Между пальцами он ощутил влагу. Он уставился на яркое пятно крови на своей руке. Петри щёлкнул своей палочкой по Гарри, затем ещё раз. Тот почувствовал покалывание, но могло показаться, что это лишь воображение. Хмурое выражение пересекло лицо Петри. — Твой шрам, — сказал он. — Он кровоточит. — Ты не можешь его исцелить? — спросил Гарри, зная, что для Петри это может показаться очевидным. Но, возможно, это было не так уж и очевидно. Этот шрам существовал почти столько же, сколько и он сам, возникнув после автокатастрофы — нет, видимо, от Темного Лорда. И никогда не выходило из него ничего более грозного, чем злой (или ужасный, если спросить тётю Петунию) артефакт. И уж точно из него никогда не текла кровь. Не в силах остановиться, Гарри снова прижал руку к шраму и подтвердил, что кровь всё ещё течёт. — Это шрам от проклятия, — сказал Петри, выглядя неопределенно уверенным в своём объяснении. Гарри кивнул. — Фиделиус сработал? Петри усмехнулся, и Гарри поморщился, понимая, что, возможно, было неразумно ставить под сомнение магию мастера-волшебника. В его защиту скажу, что Петри много говорил о сложностях этого заклинания и Гарри видел, как он отрабатывал движения волшебной палочкой, когда думал, что никто не смотрит. — Получилось, — сказал Петри. Гарри хотел спросить, откуда он это знает, но не

успел, и был избавлен от этого вопроса, когда Петри взмахнул палочкой и вызвал зеркало, которое пронеслось мимо Гарри. Петри ловко поймал его за выступающий узел в деревянной раме. Он повернул его так, чтобы Гарри мог видеть, и спросил: — Что ты видишь? Гарри взглянул в зеркало и, к своему удивлению, не увидел своего отражения рядом с Петри. — Я пропал! — Глупый мальчик, это проявитель врагов. Оно показывает не тебя, а твоих врагов, — сказал Петри с недовольством. Гарри замер, не зная, что ответить. Из зеркала на него смотрело отражение Петри с тем же угрюмым выражением лица. Петри глубоко вздохнул. — Ты видишь меня, не так ли? — спросил он и бросил зеркало, как фрисби, оно чудесным образом приземлилось на полку. — Вряд ли я твой враг. Даже произнося это, Гарри был уверен, что Петри действительно его враг, и был им с момента создания Крестража. Но, странным образом, он не чувствовал ни злости, ни ненависти, которых, по наивности, ожидал от врага. Чувствовалась лишь гниющая апатия, словно Петри не человек, а просто нечто, стоящее на его пути. На пути к чему, он не был уверен. Гарри понял, что неуклюже не отвечает, и в тот момент, когда пытался найти слова, чтобы его не проклинали, Петри произнес: — Люциус Малфой вернулся в тень. Мы в безопасности. Ты в безопасности. Он неожиданно положил руку на плечо Гарри. Тот чуть не отпрянул, но в этом жесте было что-то по-настоящему отеческое, что привело его в замешательство. Неужели Петри действительно пытался восстановить доверие, которое, по его собственному признанию, стало невозможным, даже ненужным между ними из-за Непреложного обета? Возможно, это была новая игра. Он слегка подтолкнул Гарри, чтобы тот развернулся к двери, а затем прошел мимо. — Идем. Теперь, когда мы в безопасности, можно начать твое надлежащее обучение в Ином. То, что ты можешь сделать сегодня, не откладывай на завтра. Гарри понял, что время не ждет, и беспрекословно последовал за ним, хоть и оставался немного озадаченным внезапным хорошим настроением Петри. Возможно, угроза Люциуса Малфоя была серьезнее, чем он думал. Гарри поспешил через заслонку палатки, которая служила дверью, едва успев увернуться, чтобы она не ударила его по лицу. Длинные шаги Петри пересекли коридор за считанные секунды, и Гарри изо всех сил старался не отставать. Петри остановился у последней створки, ведущей в кабинет, и придержал ее открытой.